

Образ рождается на основе аналогий и ассоциаций, представляющих внешнее воздействие, символ, отображая в себе концентрацию внутренней

[3] Малов С. Е. «К Истории Казахского языка» // Известия Академии Наук Союза ССР: Сб. — М.: 1941. — № 3, стр. 101 сути и переплетение семиотических отношений, возникает на базе конвенционального соглашения. Знак спонтанен, символ осмыслен. В знаке доминирует физическое, в символе социальное. Представляя эталонную модель, образ превращается в символ. Знаки и символы представляют собой социально обобщенный способ кодирования реальности, отмеченный печатью антропо- и этноцентризма, интуиции, мифотворческим мышлением, особенностями национальной картины мира.

Стереотипы или эталоны, переданные при помощи символов и знаков, являются тем связующим звеном, которое объединяет восприятие, мышление и язык, они представляют собой своего рода константы языковой картины мира, поскольку через эти имена в концептуальную картину вплетаются те обиходно-бытовые представления о мире, которые зафиксированы данным языком.

Знаково-символическая система служит хранилищем этносоциокультурной информации и опорой для ориентации в реальном мире. Это — особый механизм, с помощью которого происходит категоризация количественных и качественных данных о мире и о нас самих. Изучение символов и знаков различных языков может позволить выявить и проследить связь между культурами различных времен и народов, объединяющую человечество в единое целое.

1. Тан Лань, Чжунго вэньцзы сюэ (Учение о китайском письме), Шанхай, 1981.

2. Софронов М. В., Китайское языкознание в 50-80-х гг. // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXII, Языкознание в Китае, М., 1989.

3. Малов С. Е. «К Истории Казахского языка» // Известия Академии Наук Союза ССР : Сб. — М.: 1941. — № 3.

4. Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. — М.: 1952.

5. Мамардашвили М.К., Пятигорский М.К. Символы и сознание: метафорические рассуждения о сознании, символическом и языке. - М.: ЯРК, 1997.

Мақала қазақ және қытай тілдеріндегі белгі-символика жүйесін зерттеудің жан-жақты аспектілерін қарастырады.

Many aspects of the signs symbolical systems are considered in this article.

Г. Ж. Байшукурова

ФРАЗЕОСЕМАНТИКА РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ

Фразеосемантика — это направление фразеологии, нацеленное на исследование системы семантических полей на макро- микро уровне, составляющими которых являются фразеологические единицы [1].

Изучение фразеологии по семантическим полям является исключительно актуальным в современном языкознании. Основатели подобного метода: Г.Ипсен и В.Порциг — впервые указали на необходимость изучения семантических полей, но при этом основное внимание уделяли формально-функциональным особенностям фразеологических единиц (т.е. их лексическому составу, синтаксическим связям и т.д.), оставляя на стороне очень важные грамматические и семантические характеристики исследуемых единиц.

В лексической семантике под семантическим полем понимается совокупность лексических единиц, объединенных общим нетривиальным семантическим признаком. Слишком абстрактные — «тривиальные» — семантические признаки порождают необозримые поля, не обладающие психологической реальностью для носителей языка. Так, множество одушевленных существительных вряд ли может рассматриваться как семантическое поле. Аналогично глаголы с семантическим компонентом 'сделать так, чтобы' также не образуют семантического поля, а, скорее, задают лексико-грамматическую категорию каузативности. С другой стороны, такие смыслы, как 'строение', 'транспортное средство', 'ложь/обман', 'цвет' формируют интуитивно приемлемые семантические поля.

Поскольку фразеологизмы представляют собой единицы словаря, то и в сфере фразеологии также выделяются семантические поля. Это, например, такие объединения фразеологизмов, как

ГНЕВ (*рвать и метать; пойти вразнос; заводиться с пол-оборота; с резьбы сорваться; выйти из себя; возжа под хвост попала*);

СМЕХ (*животики надорвать; скалить зубы; лежать в лёжку; смешинка в рот попала*);

РАДОСТЬ (*прыгать до потолка; на седьмом небе; именины сердца; маслом по сердцу; ловить балду*);

СТРАХ (*душа в пятки ушла; в штаны наложил; дрожмя дрожать; слаб в коленках; мороз по коже; поджилки трясутся*);

ТРУСОСТЬ (*заячья душонка; страусиная политика; не сметь рта раскрыть; поджать хвост; спасти [свою] шкуру; прятаться за мамину юбку*);

ГОРЕ (*все глаза выплакал; рвать душу [на части]; сердце разрывается; хоть волком вой; хоть ложись да/и помирай*);

ПЬЯНСТВО (*принять на грудь; бутылку раздавить; под градусом; под мухой; глаза заливать; хватить лишку; спится с круга; заложить за воротник*);

ДОБРОТА (*ангел во плоти; воды не замутит; тише воды, ниже травы; с человеческим лицом; и мухи не обидит*).

Организация словника по семантическим полям характерна для словарей-тезаурусов. Традиционно считается, что структура полей словаря-тезауруса иерархична и представляет собой упорядоченное дерево. Исследования последних десятилетий показали, что лексика организована не по древесному принципу. Более того: для предикатной лексики (прежде всего для глаголов) данное отношение, скорее, является исключением, чем правилом. Сходным образом организована и фразеология. Во фразеологической системе представлены отношения причины-следствия, фазовости состояния или действия и ряд других неиерархических отношений. Например, существует группа фразеологизмов, которые описывают различные этапы развития конфликта и различные виды конфликта. Так, идиома *бросить перчатку* указывает на начало конфликта, *подливать масло в огонь* – на его углубление. Конец конфликта обозначается идиомами *идти на попятную*, *спустить на тормозах*, *закурить трубку мира*. Среди видов конфликта выделяются: СПОР (*копья ломать, с пеной у рта*), ССОРА/ СКАН-

ДАЛ (*катить бочку, переть бугром, сцена у фонтана*), КОНКУРЕНЦИЯ (*дышать в затылок, наступать на пятки*) и др. Таким образом, распределение лексики (и фразеологии) по семантическим полям должно ориентироваться не только на родо-видовые отношения.

Тезаурус можно представить в виде семантической сети. Семантическая сеть – это множество узлов, связанных между собой дугами, отражающими семантические отношения между узлами. При таком представлении узлы соответствуют семантическим полям. Семантическое поле – это и феномен, обладающий психологической реальностью, и удачный теоретический конструкт. Рассмотрим основные отношения, которые могут быть представлены в семантическом поле, подробнее.

Обычно выделяемые семантические отношения – синонимия, антонимия, полисемия, отношения включения (гиперо-гипонимии), конверсии и каузативности – проявляются во фразеологии специфическим образом. В докладе подробно рассматриваются некоторые из указанных типов отношений применительно к фразеологизмам.

Традиционные типы семантических отношений в лексике – это синонимия, антонимия, полисемия, отношения включения (гиперо-гипонимии), конверсии и каузативности. Во фразеологии эти отношения проявляются весьма специфическим образом. Особенности реализации указанных отношений во фразеологической системе обсуждались в литературе, однако явно недостаточно. Рассмотрим последовательно указанные типы отношений применительно к фразеологизмам, начав с понятия семантического поля, в рамках которого и формируются семантические связи между фразеологическими единицами.

Важнейший тип отношений, связывающих лексические единицы внутри семантического поля, – отношение синонимии. По понятию синонимии существует обширная литература, например, труды Ю.Д.Апресяна [2], А.Д.Шмелева [3] и др. Синонимы в системе языка – это лексические единицы, имеющие одинаковую категориальную принадлежность, значения которых в основном совпадают, при этом формально определить меру совпадения довольно трудно. По большей части, это определяется интуитивно. Синонимы в речи – это лексические единицы, различия между которыми несущественны в конкретной ситуации общения.

Известно, что абсолютная синонимия – явление крайне редкое. Во фразеологии абсолют-

ная синонимия еще более редкий феномен. Дело в том, что в плане содержания фразеологизмов, кроме актуального значения, выделяется еще и внутренняя форма, которая существенным образом влияет на семантику и употребление фразеологизма [4]. Внутренняя форма присутствует и в обычных словах, однако по большей части она стерта – конвенционализирована. Во фразеологизмах внутренняя форма, как правило, жива и реально ощущается носителями языка. Идиомы с семантикой смерти, например, *испустить дух* и *отправиться к праотцам*, с одной стороны, и *выставить кеды* и *склеить ласты* – с другой, традиционно должны описываться как синонимы, поскольку они описывают одно и то же событие. Однако очевидно, что в конкретной ситуации общения идиому *испустить дух* нельзя заменить на *выставить кеды* и *склеить ласты*. Аналогично *выставить кеды* нельзя заменить на *испустить дух* и *отправиться к праотцам*. Актуальные значения у них близки – ‘умереть’, однако внутренние формы радикально различаются.

Различия между квазисинонимами во фразеологии не всегда сводятся к внутренней форме. Так, фразеологизм *протянуть ноги* описывает ситуацию, когда человек умирает из-за отсутствия жизненно необходимых ресурсов (как правило, из-за недоедания), а идиома *хватила кондрашка* уместна только в ситуации, когда человек неожиданно умирает естественной смертью, связанной с сильным душевным потрясением или приступом болезни. Во внутренней форме этих идиом нет почти ничего, что указывало бы на эти различия в значениях.

Отдельная – и весьма сложная – проблема состоит в разграничении между синонимами и вариантами. Высокая степень варьирования компонентов является типичным свойством фразеологической системы. В лексикографии решение о синонимии или вариантности фразеологизмов часто определяется прагматическими факторами – например, удобством алфавитизации. Если же говорить о содержательных критериях, то важнейший из них – идентичность внутренней формы. Если при модификации компонентов идиомы внутренняя форма не меняется, то решение принимается в пользу вариантов (ср. *замолвить словечко/слово, положить/уложить на лопатки*), если же образы, лежащие в основе идиомы, различны, то естественно говорить о синонимии (ср. *дать по башке* и *дать по мозгам, нужен как рыбе зонтик* и *нужен как собаке пятая нога*).

Возвращаясь к синонимии можно констатировать, что это отношение в области фразеологии почти никогда не бывает полным. Однако в редких случаях абсолютная синонимия встречается и среди идиом. Так, русские идиомы *с головы до ног* (с вариантом *с ног до головы*), *с головы до пят* и *от ушей до пяток* обнаруживают одинаковые значения. Дело в том, что различия во внутренней форме в данном случае оказываются несущественными: и ноги, и пятки выступают как символы низа, а голова и уши – как символы верха. Иными словами, образная составляющая при варьировании формы существенно не меняется. Следовательно, такие случаи можно рассматривать как пограничные между вариантностью и собственно синонимией.

В казахском языке абсолютные синонимы почти не встречаются [5]. Синонимические отношения ФЕ определяются главным образом общностью семантического содержания выражаемых ими явлений, понятий, предметов, но не в плане образа, экспрессии и эмоции. В функциональной речи синонимические ФЕ обычно выступают как стилистически вариативные элементы, но не всегда поддающиеся взаимной замене. Например, значение «очень быстро», «вмиг» (о процессе протекания какого-л. действия) может быть передано следующим рядом синонимических ФЕ: *әні-міні дегенше* // *көзді ашып-жумғанша* // *қас пен көздің арасында* и др.

Как отношение синонимии, антонимия также различается в системе языка и в речи. Антонимы в системе языка – это лексические единицы, значения которых противопоставлены друг другу по какому-то смысловому признаку, который составляет ядро их значения, при этом формально определить степень «ядерности» признака трудно. Обычно это определяется интуитивно. Типичные антонимы – прилагательные, обозначающие концы некоторой шкалы признака: *холодный* – *горячий*; *хороший* – *плохой*; *ранний* – *поздний*. В речи антонимия задается эксплицитным противопоставлением в контексте. Ср. известные пушкинские строки об Онегине и Ленском: *Волна и камень, / Стихи и проза, лед и пламень / Не столь различны меж собой*. Слова *волна* и *камень*, *стихи* и *проза*, *лед* и *пламень* не являются антонимами в системе языка. В контексте речевая антонимия может возникать из-за контраста, способного высвечивать и сопоставлять самые разные смыслы.

Антонимия представлена и во фразеологической системе. Как антонимы могут рассматриваться, например, идиомы *попасть в яблочко* и *попасть в молоко*. Поскольку антонимия выражается в противопоставлении по какому-то одному семантическому признаку, например, ‘низкий’ – ‘высокий’ как значения признака ВЫСОТА, то большая часть антонимов сосредоточена внутри одного семантического поля. Так, в поле БЕДНОСТЬ-БОГАТСТВО обнаруживаются следующие пары антонимичных идиом: *денег куры не клюют* и *ни гроша*; *сыт, пьян и нос в табаке* и *положить зубы на полку*, *дом полная чаша* и *ни кола ни двора*. Заметим, что идиомы *сыт, пьян и нос в табаке* и *положить зубы на полку* различны по категориальной принадлежности, что не позволяет рассматривать их как точные антонимы.

Точная антонимия в лексике явление нечастое. Для фразеологии это тем более верно, поскольку фразеологические единицы противопоставляются по множеству разнообразных параметров. Действительно, системное противопоставление фразеологизмов по смыслу сопровождается и другими различиями, не сводимыми к антонимии. Так, идиома *полная чаша* относится к достатку, который проявляется в комфортности быта, добротности одежды, показном обилии мебели, еды и т.д., что осмысливается как мещанский идеал существования: *Эка, сняв платье, примеряет крепдешиновый пеньюар мадам Зули: – Забавно: котлеты я чуть-чуть разогрела, они были еще теплые. – Дом – полная чаша, надо же, как живут еще некоторые... – удивляется свекровь.* [О. Йоселиани. Разбойники]. Фразеологизму *ни кола ни двора* (с вариантами *без кола без двора*, *без кола и двора*) присуща более общая семантика. Он используется для описания крайней бедности, проявляющейся в отсутствии своего жилья: *В одиночку Станислав Семенович жить не мог, а жена от него почему-то отказалась. Даже в дом его не пускала. Остался он без кола без двора, иди куда хочешь, хоть с Крымского моста в воду, и Левкина мать его пожалела.* [Ю. Трифионов. Время и место].

Важно иметь в виду, что идиомы, внешне противопоставленные друг другу по лексическому составу, совсем не обязательно оказываются антонимами. Так, фразеологизмы *поставить на ноги* и *сбить с ног*, вроде бы противоположные по значению из-за семантики глаголов *поставить* и *сбить*, на самом деле не являются антонимичными ни по внутренней форме (по образам), ни по актуальному

значению. Действительно, они различны – но не противоположны – по актуальным значениям (*поставить на ноги* – ‘помочь достигнуть самостоятельности’ или ‘вылечить’, а *сбить с ног* – ‘оказать сильное психологическое воздействие’), а также не противоположны и по образам: в образе идиомы *поставить на ноги* фиксирована идея ‘придания человеку устойчивого вертикального положения, рассматриваемого как норма’, что переосмысливается как приобретение самостоятельности (<...> *это еще беспомощное существо, хорошо, если дед успеет поставить его на ноги* [Ч. Айтматов. Белый пароход]) или выздоровление (*Думаю, недельки через три мы сумеем поставить больного на ноги* [Н. Носов. Незнайка на Луне]). Во внутренней форме идиомы *сбить с ног* реализуется идея резкого физического воздействия – удара, который переосмысливается как воздействие психологическое, ср. <...> *жалко девушке его, <...> сильного мужика, сбитого с ног неожиданным подлым горем* [Л. Корнешов. Газета].

Наряду с антонимией в точном смысле, во фразеологии выделяется также явление энантиосемии, то есть антонимии между значениями одной фразеологической единицы. Примером энантиосемии может служить идиома *вертится на языке (что-л. у кого-л.)*. В одном из значений это выражение употребляется в ситуации, когда кто-то хочет что-то сказать, но не может это сделать по тем или иным причинам, а также когда что-то – часто против воли человека – привлекло его внимание и он постоянно повторяет это «про себя»: *Ах, как я его уважаю... сказала бы... слово вертится на языке, – но не смею... Почему не сметь? Да, я его люблю, нет, боготворю!* [И.А. Гончаров. Обрыв]; *Кстати, а что такое «паскуда»? Вертится на языке с самого ранья...* [О. Дивов. Молодые и сильные выживут].

Другое значение описывает почти противоположную ситуацию – когда человек не может правильно сформулировать свою мысль, он не в состоянии подобрать правильное слово или вспомнить точную формулировку какой-то идеи: – *Нет, я боюсь, что придется выдумать за неимением слова; вы знаете: вертится на языке; и выходит не то <...>.* [А. Белый. Москва]. Отметим, что и в приведенных антонимичных значениях идиомы *вертится на языке (что-л. у кого-л.)* есть что-то общее, причем этот общий смысл нельзя отнести к числу «тривиальных». И в первом, и во втором значении эта идиома описывает ситуацию, в

которой соответствующее слово (выражение) еще не произнесено. Эта семантическая общность семантики антонимичных значений обеспечивается внутренней формой идиомы, указывающей на то, что «слова еще не сошли с языка».

Нечто вроде неполной энантиосемии обнаруживается в значениях идиомы *на днях*. В одних употреблениях она относится к будущему, в других – к прошлому. Ср. <...> *на днях он перетащил в холле телевизор из одного угла в другой* [Л. Улицкая. Пиковая дама] и <...> *старуха на днях непременно умрёт* [И. Грекова. Скрипка Ротшильда].

В целом, однако, отношение антонимии слабо выражено во фразеологической системе. Это, объясняет отсутствие значительных по объему фразеологических словарей антонимов.

Фразеология казахского языка располагает значительно большим количеством антонимических ФЕ, нежели синонимических. Это и понятно, ибо образное противопоставление предметов, явлений и понятий как одни из приемов познания и оценки в миропонимании людей имеет исключительно важное значение. Антонимические ФЕ, как и синонимические, соотносены по наиболее общим признакам и содержанию. Например, *тастай қараңғы* (букв. темным-темно), *шайдай ашық* (букв. ярче яркого).

Фразеологизмы, как и слова, обнаруживают те же типы многозначности, что и обычная лексика. Следует отметить, что хотя традиционно полисемия считалась нетипичной для фразеологии, в целом идиомы и коллокации обнаруживают весьма развитую многозначность. Принято различать цепочечную, радиальную и смешанную (радиально-цепочечную) полисемию. При **радиальной полисемии** «все значения слова мотивированы одним и тем же – центральным – значением», в случае же **цепочечной полисемии** «каждое новое значение слова мотивировано другим – ближайшим к нему – значением, но крайние значения могут и не иметь общих семантических компонентов» [Апресян 1974: 182].

Типичным примером радиальной полисемии могут служить три значения идиомы *положить на [обе] лопатки*:

1. Победить кого-л. в спортивном состязании, *что осмысляется как соответствие критерию победы в классической или вольной борьбе.*[2] (*Футболисты Челси положили на обе лопатки команду Португалии. Первый гол забит уже на десятой минуте.*)

2. Победить кого-л. в конфликте, предусматривающем применение силы, *что осмысляется как соответствие критерию победы в классической или вольной борьбе.* (*Германия в 1939 г. положила Польшу на лопатки в три недели.*)

3. Победить кого-л. в споре, дискуссии и т.п., *что осмысляется как соответствие критерию победы в классической или вольной борьбе.* (*Он высмеял Топоркова за доклад, а затем не спеша, с профессиональной сноровкой уложил отца психоанализа на обе лопатки.* [Викт. Ерофеев. Трехглавое детище]).

В толковании компонент *что осмысляется как соответствие критерию победы в классической или вольной борьбе* не только эксплицирует внутреннюю форму идиомы, но и указывает направление семантической деривации от первого значения ко второму и третьему.

Цепочечная полисемия для идиом нехарактерна, что сближает идиоматику с обычной лексикой, в которой данный тип многозначности также встречается довольно редко. Фактически о цепочечной полисемии в идиоматике можно говорить только в том случае, если считать, что первым значением является буквальное значение выражения, образующего идиому. Поясним, что имеется в виду.

Идиома *из-под полы* обнаруживает в современном языке два значения:

1. В нарушение законов продавать в не предназначенных для этого местах какие-л. товары или предлагать какие-л. услуги так, чтобы проверяющие инстанции этого не обнаружили, *что описывается как сокрытие предлагаемого товара под одеждой.* (*Продавать контрабандные сигареты из-под полы*)

2. Делать что-л. тайно, не имея официального разрешения, *что описывается по аналогии с ситуацией незаконной торговли.* (*Работа была, может быть, не строго научна, но, пожалуй, талантлива и написана хорошо по-русски, <...> но главное, что и поразило <...> была внутренне свободна. Мы видели ее однажды на кафедре, уже желтую, с потрепанными ушами... <...> Ею гордились не перечитывая, и кое-кому, из-под полы, показывали.* [А. Битов. Пушкинский дом]).

В данной идиоме первое значение ‘незаконная торговля’ мотивировано внутренней формой – ‘*что описывается как сокрытие предлагаемого товара под одеждой*’. Второе значение производно от первого на основе переосмысления ‘незаконной торговли’ как ‘совершения чего-л. тайного, не имеющего официального разрешения’. Таким образом, формируется

следующая цепочка семантической деривации: сокрытие предлагаемого товара под одеждой → тайная незаконная торговля → тайная деятельность.

Во фразеологии представлена также и смешанная полисемия.

Еще один аспект многозначности в сфере фразеологии – это регулярная полисемия. Регулярная полисемия – это «такая комбинация значений многозначного слова, которая повторяется во многих или во всех словах определенного семантического класса» [2,10]. На материале обычной лексики это явление изучено довольно хорошо (ср. для русского языка работы Ю.Д. Апресяна, Е.В. Падучевой, Р.И. Розиной, Г.И. Кустовой и др.).

В идиоматике регулярная полисемия характерна прежде всего для семантических полей, связанных между собой переходом «физического» в «нефизическое». Так, многие идиомы со значением ‘физического воздействия’ употребляются и в значении ‘порицания/наказания’, ‘превосходства/победы’ и т.п. По этому принципу устроена многозначность таких идиом, как *дать/надавать по ушам*, *дать/надавать по соплям*, *всыпать по первое число*, *дать сдачи*, *сделать отбивную*. Ср. характерные пары контекстов:

Генка дал сдачи, зеваки оживились... – Невозможно дать сдачи литературному злодею, не вывалявшись вместе с ним в болоте сквернословия.

– Вася, навешай ему по первое число, но без увечий, а потом отпусти. – Начальство вызывает только в трех случаях: чтобы дать задание, похвалить или навешать по первое число.

По принципу порождения «нефизических» значений на основе «физических» устроены также и идиомы из поля СМЕРТЬ, переосмысливаемые в значении ‘прекратить функционировать и/или перестать существовать’. Ср. фразы *компьютер дышит на ладан*; *если закроют завод, город испустит дух*; *холодная война приказала долго жить*; *идея коммунистического субботника почил в бозе*.

Несмотря на относительную регулярность порождения вторичных значений у идиом таких типов, в этой сфере обнаруживается довольно много исключений. Так, те идиомы семантического поля ФИЗИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ, которые появились недавно, (еще) не развили «нефизического» значения. Ср. жаргонные идиомы *дать в табло*, *дать...[3] в бубен*, *дать... по щам*, которые имеют только одно – «физическое» – значение, в

отличие, например, от выражения *дать сдачи*, развившего значение ‘нефизического сопротивления’. Встречаются и другие типы асимметрии. Например, внешне очень похожие идиомы *дать... по шапке* и *дать... по башке* обнаруживают неидентичный набор значений. Выражение *дать по шапке*, не обладающее значением ‘физического воздействия’, входит в поля НАКАЗАНИЕ (*За любую инициативу у нас дают по шапке*) и УВОЛЬНЕНИЕ (*А если тебе по шапке дадут с завода?*)[4]. А идиома *дать по башке* представлена только в поле НАКАЗАНИЕ (ср. **А если тебе по башке дадут с завода?*).

Полисемантизм – одна из характерных особенностей обычных лексических единиц. Эта особенность характерна и ФЕ, хотя в своем возникновении лексическая и фразеологическая многозначность имеет далеко не одинаковые причины. Один из компонентов ФЕ, как правило, употребляется в переносном значении, придавая общему содержанию фразеологизма определенную идиоматичность. Например, *узын кулак* как простое сочетание выражает «длинные уши, длинноухий», а как фразеологическое – «разные слухи, вести».

Шаиқа тағалау (букв. Подковать свинью) – «бездельничать». В первом случае процесс идиоматизации произошел на основе гиперболлизации возможностей слухового органа человека воспринимать различную информацию издалека. В данном случае не источник сведений приближается у слуховому органу, а, наоборот, последний, растягиваясь, достает информацию. Во втором примере идиоматизация происходит, вероятно, на том основании, что подковать свинью – совершенно невозможное занятие в быту казахов, иначе говоря, заниматься тем, чем не следует, значит, бездельничать [5].

Омонимические отношения фразеологизмов возникают тогда, когда одинаковые по составу фразеологизмы выступают в совершенно разных значениях: *брать слово1* – ‘по собственной инициативе выступать на собрании’ и *брать слово2* (с кого-либо) – ‘получать от кого-либо обещание, клятвенное уверение в чем-либо’.

Омонимические фразеологизмы могут появляться в языке, если в основе образных выражений оказываются разные признаки одного и того же понятия. Например, фразеологизм *пускать петуха* в значении – ‘устраивать пожар, поджигать что-либо’ восходит к образу огненно-рыжего петуха, напоминающего по цвету и форме хвоста пламя (вариант фразеологизма –

пускать красного петуха); фразеологизм же *пускать (давать) петуха* в значении - 'издавать фальшивые звуки' создан на основе сходства голоса певца, сорвавшегося на высокой ноте, с "пением" петуха. Такая омонимия является результатом случайного совпадения компонентов, образующих фразеологические обороты.

В иных случаях источником фразеологических омонимов становится окончательный разрыв значений многозначных фразеологизмов. Например, значение фразеологизма *ходить на цыпочках* - 'ходить на кончиках пальцев ног' послужило основой для появления его образного омонима *ходить на цыпочках* - 'заискивать, всячески угождать кому-либо'. В подобных случаях трудно провести границу между явлением многозначности фразеологизма и омонимией двух фразеологических единиц.

Особо следует сказать о так называемой "внешней омонимии" фразеологизмов и свободных словосочетаний. Например, фразеологизм *намылить шею* означает - 'проучить (кого-либо), наказать', а семантика свободного сочетания *намылить шею* полностью мотивирована значениями входящих в него слов: *Нужно хорошенько намылить шею ребенку, чтобы отмыть всю грязь*. В таких случаях контекст подсказывает, как следует понимать то или иное выражение - как фразеологизм или как свободное сочетание слов, выступающих в своем обычном лексическом значении; например: *Тяжелая и сильная рыба бросилась... под берег. Я начал выводить ее на чистую воду*

(Пауст.). Здесь выделенные слова употребляются в их прямом значении, хотя в языке закрепилось и метафорическое использование этого же словосочетания - фразеологизм *выводить на чистую воду*.

Однако, поскольку свободные словосочетания принципиально отличаются от фразеологизмов, говорить об омонимии таких выражений в точном значении термина нет оснований: это случайное совпадение языковых единиц разного порядка: *ат қою* 1) дать имя ребенку, 2) прискакать на похороны на коне, плача, причитая, 3) пуститься в атаку, начать наступление; *көзі ашылу* - 1) стать грамотным, 2) избавиться от трудностей, 3) понимать жизнь.

1. Чалкова Е.Г. Основы иноязычной личностно-ориентированной фразеосемантики: Дисс. докт. филол. наук. - М., 1999. - 330 с.

2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика.- М.: Школа "Языки русской культуры", 1995.

3. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002.

4. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.

5. Қайдар Ә. Қазақ тілінің өзекті мәселері. - Алматы: Ана тілі, 1998.

* * *

Мақалада қазақ, орыс тілдеріндегі фразеосемантика мәселесі қарастырылады.

Автор лексикадағы семантикалық қатынастардың типтерін көрсетеді.

* * *

The article shows phrasal-semantic problems of the Kazakh and Russian languages The author divides the types of semantic relationship.

Н. Егізбаева

ШҰҒЫЛ ЖӘНЕ ЫЗЫҢ ДАУЫССЫЗДАРДЫҢ МОРФОНОЛОГИЯЛЫҚ АЛМАСУЫ

Жеке айтылған дыбыстар дыбыстар тіркесімінде айтылғаннан ерекше болады. Бірінен кейін бірі тізіліп айтылғанда кәдімгі нормадан ауытқушылықтың болуы әбден мүмкін. Жеке бір дыбысты айтқанда дыбыстау мүшелері өзінің қызметін орындап болып, бастапқы қалпына тез оралады. Ал морфемалар құрамындағы дыбыстарды айтқанда, мұндай процесс болмайды, дыбыстау мүшелері ары қарай жұмысын жалғастыра береді. Осы жағдайда дыбыстар бір-біріне әсер етеді, морфемалар бір-бірімен кірігеді, дауысты дыбыстар дауыссыздармен,

дауыссыздар дауыстылармен жымдасып айтылады. Осындай жағдайда дыбыстар әртүрлі өзгерістерге түседі. Осылайша комбинаторлық өзгерістер жүзеге асатыны белгілі.

Қазақ тіл білімінде шұғыл дауыссыз дыбыстардың айтылуда ызыңға жуықтайтындығы жайлы пікірлер бар. Бұл турасында академик Р. Сыздық: «Екі дауыстының ортасында келген б дыбысы қазақ сөздерінде жеке тұрғанда айтылуынан сәл өзгешелеу болып естіледі. Мысалы, *Абай, таба, көбелек* сөздеріндегі б дыбысын айтқанда, екі ерін бір-біріне тиіп, қатты жуыс-